

Зохраб Шамхалов

Пленники горы

18+

Зохраб ШАМХАЛОВ

Пленники горы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

ШАМХАЛОВ З.

Пленники горы / З. ШАМХАЛОВ — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-05211-6

Тихий провинциальный городок уютится у подножья горы. Двое мальчишек, ушедших покорять её, подвергаются смертельной опасности. Сдать свой первый жизненный экзамен им поможет смелость и дружба. За ним последуют другие, ещё более суровые испытания. Последнее, по таинственному стечению обстоятельств, будет связано с той же загадочной горой. Каждый их прожитый день, как, впрочем, мой и ваш - это восхождение на вершину. Сохранить верность дружбе, себе самому, тому лучшему, что есть в тебе, стать на сторону Добра, бороться против Зла - вот главная задача Человека. Мужчины и женщины.

ISBN 978-5-532-05211-6

© ШАМХАЛОВ З., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
I	5
II	6
III	7
IV	9
V	13
VI	17
VII	19
VIII	20
IX	25
X	27
Глава 2	29
I	29
II	31
III	34
IV	36
V	37
VI	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

Первый экзамен

I

Ущелье начинается далеко в горах, на севере. Постепенно расширяясь, оно сливается, наконец, с обширной долиной, которую местные жители называют Арраном. Если стоять лицом к ней, то ущелье делится на две неравные части: узкую левую, с рекой и чайлагом¹, и широкую правую, с плодородной почвой, на которой ютятся тихий городок.

Статус города ему дали только из-за того, что он является центром небольшого района. В сущности, это большое село с частными дворами, сараями, живностью, фруктовыми садами и огородами. Проявлением урбанизации служат несколько прямых улиц с безликими двух- или трёхэтажными зданиями, да комплекс из трёх пятиэтажек. Серый цвет и отсутствие балконов придаёт им довольно-таки мрачный вид.

Исключение составляет нарядный центр. Прямоугольную площадь обступают здания райкома партии, центральной почты, единственной на весь город гостиницы и кинотеатра. Хотя он аккуратно отделан чёрным слоистым камнем, шедевром архитектуры его не назовёшь.

Городок прильнул к горе, самой большой и высокой из тех, что обступают его с трёх сторон. Высотой чуть более полутора тысяч метров, она покрыта густым лесом, кроме вершины, на которой в иные годы и летом остаётся снег. Она чем-то напоминает исполина, задумчиво смотрящего вдаль. Среди окрестных гор лишь она имеет имя – Улубаш². Никто не может сказать, откуда пошло это таинственное название. Просто все знают, что так её называли всегда.

Существует поверье, что в древности, при набегах чужеземцев, албанские цари прятали в недрах Улубаша свои сокровища. Подтверждением тому – устойчивое мнение, что на противоположной стороне горы есть пещера. Её так и называют – Хазине³. Говорят, что вход в неё скрывается в самом конце глубокого ущелья. Правда, вряд ли кто-либо из местных жителей сможет утверждать, что побывал в ней или хотя бы видел её. Поэтому некоторые, назовём их скептиками, считают, что пещера – не более чем вымысел, красивая легенда. Однако для большинства населения Хазине – неоспоримый факт.

Конечно, лучший способ решить этот вопрос – организовать экспедицию и тщательно обследовать ущелье. Но кому это надо, что заставит лезть чёрт знает куда без веской на то причины? Разве что энтузиазм чуть тронутого любителя старины. Или из ряда вон выходящее событие.

Поэтому интерес местных жителей к горе ограничивается её почитанием как святого места и покорением. Для подростков пятнадцати-шестнадцати лет взойти на Улубаш является символом самоутверждения. Многокилометровый путь изобилует крутыми подъёмами. Если решил пойти на Улубаш, то воду необходимо брать в достаточном количестве, потому что найти её можно лишь недалеко от вершины: родник бьёт почти у самой кромки леса, на границе с зоной альпийских лугов. Кроме того, здесь небезопасно: вполне можно нарваться на кабана, волка или медведя. Поэтому на небрежно брошенную фразу «А ты поднимаешься на Улубаш?», не каждый джигит может так же небрежно ответить: «А как же».

---

¹ Чайлаг – долина горной реки, сформированная селевыми потоками.

² Улубаш – священная голова (азерб.)

³ Хазине – хранилище ценностей, сокровищница, клад (араб.)

II

5 августа 1984 года.

Три часа пополудни. На самой вершине горы Улубаш сидят на пронизывающем ветру два подростка четырнадцати лет. Скинув кеды с натруженных ног, они молча обозревают панораму, открывшуюся их восхищённым взорам.

Прямо под ногами уютно расположился утопающий в зелени садов родной городок, а за ним, до невысоких гор у самого горизонта – долина с обширными участками леса, плантациями лесного ореха, садами, пшеничными полями. И горы. Слева, справа и за спиной. Точно войско сказочных богатырей, безмолвно смотрят они на долину. Застыли в вечном дозоре.

– И всё-таки мы одолели её, – говорит один из них, жгучий брюнет с густой шевелюрой и тонкими чертами лица. – Вторая попытка оказалась удачной, даже немного скучной.

– Чего не скажешь о первой, – улыбаясь, замечает второй, голубоглазый блондин. Небольшая горбинка на носу придает его лицу мужественность и абсолютно не портит облик.

– Скажи, Заур, только честно, – говорит первый, – ты решился бы пойти тогда, если бы знал, что всё так получится?

– Ни за что.

– А ведь он мог убить нас. Даже страшно подумать, – говорит первый.

– Всё к тому и шло.

Некоторое время они молчат.

– Я давно хотел тебе сказать, Заур ... извиниться, что втянул тебя в ту историю, – говорит первый.

– О чём ты, Эмин. Не бери в голову. Ты же не заставлял меня идти в горы. Это было наше общее решение.

Блондин кладёт ладонь на плечо друга. Лицо его освещает мягкая улыбка.

– Если эту переделку считать нашим первым в жизни экзаменом, то, я думаю, мы его не завалили.

– О да, – согласно кивает головой брюнет.

Немного помолчав, он спрашивает: – Ты часто вспоминаешь тот день?

– Бывает. Стараюсь не вспоминать, но получается не всегда.

– А я – почти каждый день.

Наступает долгое молчание. Два подростка на вершине горы Улубаш рассеяно смотрят вдаль. Возможно, они думают каждый о своём. А, может быть, вспоминают тот день, который многое изменил в их жизни.

III

26 июля 1983 года.

Только начало светать. Из дворов доносится кукареканье петухов. Иногда к их нестройному, но полному страсти хору присоединяются то мычание коров, то шум грузовика, то рокот трактора, спешащего вниз, в долину.

Эмин перебрался через соседский забор и подкрался к дому Заура. Тихо постучал в окно. Без ответа. Он подождал секунд десять и вновь постучал, на этот раз громче. Окно распахнулось, в проёме появилась худенькая фигура с взъерошенными волосами.

– Ты чего не одет? – прошипел Эмин.

– А что? – недоуменно спросил Заур.

– Как что! – взбесился Эмин. – Забыл вчерашний уговор? Мы же решили на Улубаш пойти.

Заур зевнул и виновато почесал голову: – Забыл.

– Или испугался? – скривил рот Эмин.

– Я? – глаза Заура гневно сузились: – Говорю – забыл. Сейчас выйду.

– Что вы там болтаете спозаранку, – раздался сонный голос Айдына, старшего брата Заура, – спать не даете.

– Доброе утро, Айдын, – сказал Эмин, – мы на чайлаг идём, купаться.

– Бездельники. В такую-то рань, – проворчал Айдын. Послышалось скрипение кровати и всё стихло.

Заур не заставил себя долго ждать: через пару минут спрыгнул с окна с кульком в руке.

– Хлеб, помидоры, огурцы и вода, – прошептал он, – достаточно?

Эмин поднял свой кулёк: – У меня то же самое. Плюс варёные яйца и картошка. Плюс сахар. Универсальное топливо. Пара кусочков в момент изнеможения, и мы ракетой взлетаем на вершину.

– Может, у подножья его и погрызём? – спросил Заур.

Они тихо захихикали.

Мальчишки осторожно перелезли через забор и направились в сторону стадиона. Именно от него начинался путь на Улубаш. Некоторое время шли молча, опасливо оглядываясь по сторонам, как бы кто не увидел.

– Тревожно мне. Идём, никого не предупредив, – сказал Заур, – влетит нам от родителей, если к вечеру не вернёмся.

– Не влетит. Я всё рассчитал. Еда у нас есть, вода – тоже. К трём будем на вершине, а к шести–семи – у подножья. Маршрут мне Кенан объяснил.

– Что он мог тебе объяснить? Ведь они вернулись с полпути.

– Он сказал, что надо выйти на главную тропу и идти по ней, никуда не сворачивая. Мы так и поступим. Так что нас ждёт неминуемый успех.

Глаза Заура сверкнули.

– Точно. К штурму высоты готов, – сказал он.

Немного помолчав, он добавил: – Но нам всё равно влетит.

Друзья остановились и посмотрели на гору, которую им предстояло одолеть. Знали бы они, что их ждёт впереди.

Вот и стадион, отсюда до подножья горы – метров сто. Восхождение начали бодро. До заброшенного павильона добрались чуть ли не бегом, ещё метров четыреста – тоже без проблем. Дальше подъём стал круче.

– Привал, – объявил Эмин.

Заур послушно остановился. Достали бутылки, сделали пару глотков. Немного поели.

– Видишь? – Эмин указал на тропинку. – Та самая тропа, о которой говорил Кенан. До самой вершины идёт. Главное – не упустить её из виду.

Заур молча кивнул. Немного отдохнув, друзья продолжили подъём.

Прошло больше часа, как они начали восхождение.

Начало припекать. Невысокие деревца, растущие вдоль тропы, от жары не спасали. Во рту пересохло, ноги постепенно стали наливаться свинцом. Но вот крутизна заметно поубавилась. Вскоре вошли в лес, и в тени деревьев идти стало легче. Так взобрались на первый хребет. До намеченной цели предстояло осилить ещё два.

IV

Тропинка петляла из стороны в сторону, вверх–вниз, то рассыпалась по нескольким направлениям, то вновь собиралась в одну. Переходы становились короче, привалы – длиннее. Шли молча, иногда обменивались отрывистыми фразами. Вдруг Заур остановился. Эмин недовольно глянул на друга. Тот приложил палец к губам.

– Стучит кто-то, – прошептал он.

Эмин прислушался.

– Тебе показалось.

– Нет, не показалось. Слышу стук.

– Я не слышу. Пойдём, проверим.

Они осторожно продолжили путь. Вскоре оказалось, что Заур был прав. Теперь уже и Эмин мог расслышать удары топора, только звуки выходили глухие, не такие, когда стучат по дереву. Метров через двадцать деревья расступились, и они увидели небольшую поляну и людей.

Их было трое. Мускулистый мужчина средних лет сидел под деревом и клевал носом в колени. Двое других разделявали тушу косули на стволе поваленного дерева. Мужчина, орудовавший топором, был небольшого роста и с обширной проплешиной на макушке. Ему помогал юноша лет пятнадцати. По неопрятному виду всех троих можно было догадаться, что их поход длится уже несколько дней. На земле валялись рюкзаки цвета хаки, к дереву прислонены два ружья и старый карабин. Рядом, на расстеленной клеёнке – еда, канистра с водой и пустая бутылка водки. На ветвях деревьев развешены шкуры животных: одна – недавно убитой косули и две шкуры горных козлов с головами, увенчанными огромными рогами. В метре от клеёнки, из-под широкого плаща-дождевика, выглядывал пушистый хвост.

– Браконьеры! – молнией пронеслась в голове Эмина мысль.

Горные леса вокруг городка входили в заповедник, поэтому за отстрел любых животных полагался большой штраф или даже срок. Отец часто рассказывал, как он ловил браконьеров совместно с лесниками, и как, иной раз, между ними завязывалась перестрелка.

Вид незнакомцев к общению не располагал. Инстинкт подсказывал ему, что лучше обойти их стороной. Он потянул было Заура за рукав, но поздно. Предательски хрустнула ветвь, и лысый коротышка с юношей разом повернулись в их сторону. Некоторое время они напряжённо разглядывали незваных гостей.

– Вы что здесь делаете, дети? – спросил, наконец, коротышка.

– Ничего, – выдавил из себя Эмин, – на Улубаш идём.

– Улубаш? – переспросил коротышка, оглядываясь по сторонам. – Это где?

– Гора, с которой мы сегодня спустились, – прогнусавил юноша, – у здешних жителей считается святым местом.

– А-а... – протянул коротышка, – понятно. Ну, так поспешите, дети, а то к вечеру вернуться не успеете. Давайте, давайте.

– Будущие грехи замаливать идёте? – голос принадлежал сидевшему под деревом мужчине. Он очнулся ото сна и теперь охотно присоединился к беседе.

Мужчина, пошатываясь, поднялся. Он оказался высокого роста. Было видно, что он пьян.

– А я, грешник, на той самой вершине помочился. Не видать мне рая, – мужчина громко рассмеялся, показав ряд почерневших от никотина зубов.

В отличие от напарников его не тревожило то, что кто-то стал свидетелем их незаконной охоты.

Коротышка недовольно покачал головой и с размаху ударил топором по туше.

Мальчики переглянулись. Незнакомцы были явно не из местных, и они им не понравились, особенно высокий. Встреча не предвещала ничего хорошего. Промолчав, они, словно по команде, повернулись, чтобы продолжить путь.

– Куда это вы собрались? – верзила, театрально раскинув руки, загородил им дорогу, – вы наши гости. Отдохните немного. Перекусите, чем бог послал.

– Спасибо, нам спешить надо, – сказал Эмин.

– Не пушу! – не унимался верзила. Он повернулся к юноше: – Ну-ка, сын, отрежь им кусок побольше. Вам здорово повезло, ребята: ещё со времён Ноя есть у нашего народа святой обычай – выделять путнику его долю. Впрочем, откуда вам, беднягам, это знать.

– Спасибо, дядя, – процедил сквозь зубы Эмин, – мы спешим.

– Ты посмотри на них, от такого подарка отказываются, – обратился верзила к помощнику, – когда в последний раз вы ели мясо косули, неблагодарные?

– Не нужно нам ваше браконьерское мясо, – вмешался в разговор Заур, – это территория заповедника, и охота здесь запрещена. Смотрите, сколько животных загубили.

– Загубили, – передразнил его верзила, – заработали тяжким трудом – вот подходящее слово. Дары природы, трофеи, добытые в честной борьбе.

– Особенно этот, – он рукой указал на плащ, – второй по значимости трофей в моей жизни. Первый – это мой сын.

Оглушительно рассмеявшись своей шутке, он откинул плащ в сторону.

Наступила мёртвая тишина. На земле лежала шкура животного, которого ребята раньше никогда не видели. Великолепный экземпляр: шелковистая бело-серая шкура с кольцевидными черными пятнами, длиной больше полутора метров с длинным хвостом и пушистым кончиком. Морда застыла в последнем оскале.

Это был леопард. Редкий, почти исчезнувший на Кавказе вид, невероятный факт для здешних мест. За его убийство одним штрафом не отделаешься.

– Ты что, совсем сдурел? – сказал коротышка, – как выпьешь, так тормоза отказывают. Идите, дети, идите своей дорогой.

– Никуда они не пойдут, – то, как верзила произнёс эту фразу, не оставляло сомнений в её категоричности. Стало ясно – просто так он их не отпустит.

Природа наделила этого человека множеством отталкивающих черт характера, и они проявлялись при первой же возможности. Среди них – способность обострить любую, даже самую безобидную ситуацию. Как и других людей, алкоголь его веселил, но природная жестокость делала эту весёлость крайне опасной.

Он презрительно посмотрел на мальчишек и криво улыбнулся.

– То был честный поединок. Он глодал горного козла в тридцати метрах от нас, на уступе скалы. Увидев нас, он оскалился и зарычал, – верзила сделал зверское лицо, – я подумал: а вдруг он оставит добычу и бросится на нас, начнёт терзать моего мальчика. И тогда я тщательно прицелился и ..., – он зажмурил левый глаз, – пухх!

– Дались вы ему, дядя. Вы что, вкуснее козла? – в голосе Заура сквозила нескрываемая издёвка.

– Зачем он дерзит ему? – с ужасом подумал Эмин, – неужели не видит, с кем мы имеем дело?

Коротышка, не выдержав, фыркнул. Юноша стал медленно подниматься с корточек.

– Ну, ты, сопляк, заткни свой дерьмовый рот, – сказал он.

Верзила жестом приказал ему замолчать и повернулся к Зауру.

– А у тебя характер пуще моего: плохо воспитан, груб со старшими, – он схватил Заура за ворот: – Шутить вздумал?

– Отпусти, – тихо сказал Заур. Он побледнел, глаза его дико сверкнули.

– Уберите руки! – крикнул Эмин.

Ему стало страшно: никто не знает, где они, и если вдруг пьяный дядька замыслил что-то недоброе, их будут искать сто лет и не найдут.

Он знал характер своего друга. Мало кто из сверстников, да и ребят постарше, хотел бы связаться с Зауром, когда он так смотрел на них. Обычно он был приветлив, любил подурачиться, пошутить, но если его задирали по-настоящему, он превращался в дикого, необузданного зверя, готового биться насмерть. Много лет спустя, сидя в тиши кабинета, Эмин часто вспоминал этот горящий, почти гипнотический взгляд. И тогда он признавался себе, иногда с облегчением, но чаще с завистью, что ему никогда не удавалось и не удастся посмотреть в глаза человеку так, как мог смотреть Заур.

Но верзилу угрозы тщедушного мальчишки только рассмешили, пальцев он не разжал. Было видно, что сцена доставляет ему удовольствие.

Заур дернулся изо всех сил, треснула рубашка, но тщетно. Тогда он извернулся и укусил мужчину за руку. Тот взвыл и закатил мальчику оплеуху. Заур повис на державшей его руке, из разбитой губы пошла кровь.

– Беги! – крикнул он Эмину.

Эмин сорвался с места, но не успел пробежать и десяти метров, как юноша догнал его и сбил с ног.

– Давай его сюда, – приказал мужчина сыну, – уложи обоих вниз лицом.

Юноша подтащил упирившегося изо всех сил Эмина к отцу, бросил его на землю, рядом с Зауром.

– Дай веревку, – сказал верзила.

Юноша достал из рюкзака верёвку и протянул её отцу. Руки у него тряслись.

– Может не надо, отец? Ну их к чёрту.

– Заткнись. Делай, что велят.

Верзила разрезал верёвку на две части, одну половину бросил на землю, а другой начал вязать руки Зауру. Он окончательно протрезвел. Коротышка, безмолвно наблюдавший сцену, вышел, наконец, из оцепенения.

– Не делай этого, Сардар, – сказал он, – отпусти детей. Нам лишние проблемы ни к чему.

Верзила со злостью посмотрел на компаньона. То, что произнесли его имя, ему крайне не понравилось.

– Ты тоже заткнись. Совсем соображать перестал, – связав Заура, он принялся за Эмина, – пусть полежат, отдохнут, подумают, как следует вести себя со старшими.

– Развяжите, – морщась от боли, потребовал Эмин, – сейчас же развяжите мне руки. Не то плохо будет.

Мужчина зло расхохотался.

– Как страшно. И что же ты мне сделаешь?

– Не я, а мой отец. Мы сказали ему, куда идём.

– Ах, отец. Верю. В районе он авторитет, – верзила улыбнулся, – может быть, даже вор в законе?

– Нет. Начальник милиции, – сказал Эмин, но тут же понял, что совершил непростительную ошибку.

Лицо юноши вытянулось от страха. Коротышка покачал головой. Верзила испытующе посмотрел на Эмина.

– Врёшь, – сказал он.

– Не врёт, – сказал Заур, – если мы к вечеру не вернёмся, он поднимет на ноги всю милицию, нас начнут искать, и когда найдут, вас подвешат за яйца.

От размашистого подзатыльника Заур ударился лицом о каменистую почву и застонал от боли. Мужчина грязно выругался.

Ситуация накалялась с каждой минутой. Словно речной водоворот, она засасывала участников конфликта всё глубже и глубже, стремительно приближаясь к черте, за которой возврат будет уже невозможен.

Вызывающее поведение мальчишек, и особенно блондина, бесило этого грубого, ожесточившегося на весь мир человека. Где-то из глубины сознания внутренний голос призывал его оставить опасную затею, но сладостное чувство насилия и злоба заглушали его. Зло всегда влекло Сардара. В свои сорок с небольшим лет он уже успел отсидеть три срока: один за грабёж, остальные два за поножовщину. Одна из его жертв смогла выжить, второй повезло меньше.

– Не люблю собак, – процедил он сквозь зубы, нагнулся к Эмину и, грубо повернув его лицо к себе, испытующе посмотрел в глаза. – Врёшь, красавчик. Кто вас, сосунков, одних в горы отпустит. Наверняка никому не сказали о прогулке. Хватятся вас только вечером, а искать будут до Судного Дня.

Эмин закусил губу.

– Вы не посмеете, – с трудом сдерживая слёзы, сказал он, – мой отец... Он найдёт вас и ...

– Не дури, брат, – хриплым от волнения голосом сказал коротышка, – покуражился и хватит. Отпусти детей. Мы так не договаривались.

– Замолкни, лысая башка, – верзила схватил напарника за шиворот и, оттащив в сторону, начал что-то шептать на ухо.

– Понятно тебе, ишак ты этакий? – завершил он свой монолог.

Коротышка зло посмотрел на напарника, но промолчал.

Верзила отошёл за ближайшее дерево, помочился и, вернувшись, коротко бросил сыну: – Привяжи их дереву. Останемся на ночь здесь. До утра решу, что с ними делать.

V

В горном лесу темнеет быстро. Зашло солнце за гору, и вот уже очертания деревьев сливаются в сплошной забор, с каждой минутой подступающий всё ближе и ближе.

– Пойди, собери веток для костра, – приказал верзила сыну, затем повернулся к напарнику, – достань из рюкзака бутылку, в горле пересохло.

Он поднял канистру и, запрокинув её над головой, принялся пить большими глотками.

– И мяса нарежь для шашлыка, – сказал он.

Он сел на земле и принялся растирать ноги.

– Мясо косули нежнее козлиного, – разглядывая Эмина, продолжил он, – но жестче, чем у ягнёнка. Слышишь, родственник, может нам чёрненького ягнёнка заколоть? Вон, какой аппетитный.

Коротышка отбросил в сторону нож и вскочил.

– Ну, ну. Шучу, – примирительно сказал верзила, – просто он такой милый. На зоне был бы всеобщим любимчиком.

Его рот скривился в похотливой улыбке.

Коротышка хотел что-то сказать, но передумал. Бросив искоса взгляд на прислонённых к дереву ребят, он вновь принялся за работу. Эмин наблюдал за ним. Он почувствовал, что этот щедедушный на вид человек – возможно, их единственный шанс спастись.

Он с надеждой посмотрел на друга. Откинув голову назад, Заур ненавидящим взглядом буравил своего обидчика. Эмин тихонько ткнул его в бок, но тот даже не повернул головы.

Наступила тишина. Время будто бы остановилось. Поляна с разбросанными по ней вещами, деревьями вокруг, камнями, тёмно-фиолетовым небом над головой и людьми вдруг превратилась в странную сцену из страшной, волшебной пьесы.

– Я писать хочу, – неожиданно обратился Эмин к верзиле.

Тот не спеша допил водку: – Давай. Я разрешаю.

– Я так не могу. Отведите меня в сторону.

– Не видишь, все заняты, – лениво ответил верзила, – спусти в штаны.

Коротышка молча подошёл к Эмину и рывком поднял его. Верзила в бешенстве вскочил на ноги.

– Не смей! – зарычал он.

– Ты что, шашлык их мочой занюхивать собрался? – спросил его коротышка.

Верзила испытующе посмотрел на напарника.

– Ладно. Только недалеко и ненадолго. И чтобы я вас видел. Ещё сбежит ненароком.

Коротышка, демонстративно толкая Эмина в спину, отвел его метров на пятнадцать вверх по тропинке.

– Вот уж не думал, что придётся расстёгивать чужие ширинки, – громко сказал он, – отвернись. Ещё штаны мне забрызгаешь.

Пока Эмин лихорадочно соображал, что сказать коротышке, тот потянул за молнию и сдёрнул с него брюки. От обиды и стыда у Эмина на глаза навернулись слёзы. Коротышка встал у него за спиной. Его пальцы, словно клещи, стиснули плечо мальчика.

– Слушай меня внимательно, братишка, – зашептал коротышка, – сейчас я надрежу верёвку. Будем возвращаться – руки держи за спиной. Прислонись к дереву и не шевелись. Потом я отведу твоего друга и сделаю то же самое. Когда дам знак, освободитесь и бегите обратно в город, пока совсем не стемнело. Я постараюсь, чтобы они вас не догнали.

Эмин ошеломлённо посмотрел на мужчину. Внезапно он почувствовал острую боль. Лезвие ножа ранило левое запястье. Он невольно вскрикнул. Коротышка демонстративно дал ему подзатыльник.

– Смотри, куда льёшь, бродяга, – крикнул он.

– Чего вы тянете, – крикнул верзила, – возвращайтесь немедленно.

Проходя мимо верзилы, Эмин почувствовал на себе его тяжёлый взгляд. Усадив Эмина, коротышка взял за локоть Заура.

– Его не трогай, – ледяным голосом сказал верзила.

– Шутишь? – сказал коротышка.

– Нисколько, – сказал верзила, – пусть хоть в штаны наложит.

– Будь человеком, Сардар. Пусть парень отошьёт.

– Я же тебе говорил: не произноси моего имени, болван, – заорал верзила, – ты меня достал своей заботой о сосунках. Может, ты с ними заодно?

Он посмотрел по сторонам, выискивая сына.

– Гурбан, куда ты запропастился, скотина? Весь лес сюда притащить решил что ли? – он повернулся к напарнику. – Ноги им перевяжи. Для моего большего спокойствия.

– К чему это, – сказал коротышка, – далеко ли они убегут со связанными руками? К тому же темнеет.

Верзила вскочил на ноги. Лево́й рукой он схватил Эмина за шею, а правой дёрнул верёвку, связывавшую кисти. Чтобы порвать её, больших усилий не потребовалось. В следующий миг тяжёлый удар опрокинул коротышку на землю. Шатаясь, он поднялся. Из носа шла кровь.

– Ах ты, сука, – верзила угрожающе двинулся на него.

Коротышка метнулся к дереву, где стояли ружья. Схватив двустволку, он наставил её на верзилу.

– Не шевелись. Мозги вышибу, – закричал он прерывающимся от волнения голосом.

– Неужели в родственника стрелять будешь? А вдруг оно не заряжено? – медленно надвигаясь на него, спросил верзила.

В голосе его не чувствовалось и тени страха.

– Проверить хочешь? – коротышка взвёл курок, – стой, где стоишь.

Он вытащил из кармана нож и бросил его под ноги Эмину.

– Разрежь верёвку, – он кивнул в сторону Заура, – и оба ко мне.

Эмин вскочил на ноги и схватил нож. От страха и возбуждения его трясло мелкой дрожью. Пальцы стали ватными, нож падал из рук.

– Быстрее, быстрее! – нетерпеливо повторял коротышка.

– Трусливый шакал, – в спокойном голосе верзилы клокотала ярость, – шкуру считаешь спасти? Не надейся. Ладно, что меня, так ещё и сына моего подставляешь. Этого я тебе не прощу.

– Нехороший ты человек, Сардар. И сына таким же растишь. Напрасно я с вами связался, не послушал добрых людей. Теперь придётся отвечать. Но только, хвала Аллаху, не за детские жизни.

Тем временем Эмину удалось, наконец, перерезать верёвку, связывавшую руки Заура.

– Быстрее же! – крикнул коротышка.

Ребята метнулись к нему. Но в этот момент послышался глухой стук. Коротышка охнул и со стоном упал на колени. Ружьё отлетело в сторону. Из-за его спины обозначился силуэт сына верзилы. Он стоял с корявой дубиной в руках, вытаращив глаза.

– Молодец, сынок, вовремя подоспел, – сказал верзила, – а звук какой получился. Давно я подозревал, Ризван, что у тебя пустая голова.

– Детей не трогай, – пробормотал коротышка. Он продолжал стоять на коленях, обхватив руками окровавленную голову.

Тут раздался неистовый крик. Это был Заур. Он держал в руках выроненное коротышкой ружьё. В суматохе никто не заметил, как он завладел им.

– Не двигайтесь, вы, оба! Стрелять буду, – закричал он, наводя ствол то на отца, то на сына.

Потом Эмин часто вспоминал эту сцену: Заур стоит с широко расставленными ногами, с откинутым назад от напряжения торсом. Тяжёлое ружьё нацелено прямо в грудь его обидчика. Белое как мел лицо искажено гримасой ярости. Пожалуй, тогда ни у кого из участников событий не было и капли сомнения, что этот тщедушный на вид мальчишка, не колеблясь, пустит верзиле или его сынку пулю в живот, посмей они шевельнуться.

Отец и сын стояли как вкопанные. Неожиданно Гурбан бросился за деревья, и темнота в мгновение поглотила его.

– Пусть бежит, – сказал коротышка, – и чем дальше, тем лучше.

Он, покачиваясь, поднялся и рукой подозвал Эмина.

– Уходим, дети, – слабым голосом сказал он, – сможешь взять оружие?

Эмин кивнул головой. Не сводя прицела с бандита, Заур медленно подошел к ним. Эмин схватил второе ружьё и карабин за ремни и с натугой поднял их. Втроём они стали отходить вниз по тропинке. Эмин и обхвативший его за плечи коротышка шли впереди, шествие замыкал пятящийся назад Заур.

– Что же вы так заспешили, гости дорогие? – сказал верзила, – уходите, не попрощавшись. К тому же с чужим добром. Далеко ли уйдёте с тяжёлой-то ношей?

Коротышка остановился. Он взял у Эмина ружьё.

– Держи его на прицеле, – сказал он Зауру.

Он повернул рычаг затвора, вскрыл ствол, затем вновь закрыл ружьё и протянул его Зауру.

– Возьми. Та была не заряжена. В этот раз, Сардар, мальчишка тебя точно подстрелит. Как фазана.

Можешь не сомневаться.

Он взял незаряженное ружьё за приклад и несколько раз ударил дулом о камень. То же самое он проделал с карабином. От напряжения он пошатнулся и, чтобы не упасть, прислонился к дереву. Тут его вырвало. Было видно, что он держится на ногах из последних сил.

Верзила начал медленно приближаться.

– Голова болит, родственничек? – сказал он, – это ничего, иногда даже полезно. Зато глаза становятся зорче. Посмотри по сторонам, не видать ли где ангела Азраила⁴.

– Дай, – коротышка взял ружьё из рук Заура, – я буду держать его на прицеле, а вы бегите.

– Нет, мы вас здесь не оставим, – сказал Эмин. Заур согласно кивнул головой.

– Мне бежать поздно, да и некуда, – с трудом выдавил из себя коротышка. Он прислонился к дереву и навёл ружьё на верзилу. Эмин тронул мужчину за плечо:

– Я расскажу отцу о вашем поступке.

Коротышка покачал головой.

– Нет смысла, братишка. Нет никакого смысла. Бегите же.

– Но как мы сможем дойти? Скоро станет совсем темно.

– Не бойтесь, друзья. Тропа вас выведет. Она поможет вам.

Эмин и Заур не поняли последних слов коротышки, но поверили ему. Они повернулись и пошли вниз по тропе. Прежде, чем скрыться за выступом скалы, они обернулись, чтобы в последний раз увидеть странную картину. В сумерках леса застыли две фигуры. Почти распластавшийся на земле коротышка наставляет на бывшего друга ружьё, а тот, упершись огромными кулачищами в бока, внимательно наблюдает за ним.

---

⁴ Азраил – в Исламе ангел смерти.

Вначале они шли медленно, часто озираясь, затем всё быстрее и быстрее, и, наконец, понеслись что было мочи. Они пробежали метров триста, когда услышали звук выстрела, а через небольшой промежуток – ещё одного.

Потом всё стихло.

Они бежали, не останавливаясь, пока ночная мгла не обступила их со всех сторон. Тогда они пошли медленно, держа друг друга за руки, часто спотыкаясь и падая. К счастью, вскоре деревья расступились, и они увидели тропу. Она излучала мягкий, волшебный свет, словно её посыпали фосфором. Он то слабел, то становился ярче, но никогда не пропадал совсем. Теперь они поняли смысл последних слов коротышки.

Они шли долго, пока не добрались до заброшенного павильона. Здесь они остановились. Под ногами лежал родной городок. То тут, то там светились лампочки во дворах, лаяли да выли дворовые собаки.

Эмина охватило неведомое доселе чувство. Он понял: их жизнь изменилась, изменилась безвозвратно. Она никогда не будет такой, как прежде, и они не будут такими, какими были до сегодняшнего происшествия. Исчезло в одночасье многое из того, что составляло суть детства: детские мысли, капризы, шалости. Их дружба наполнилась новым содержанием, иными обязанностями. В один день судьба сделала их мужчинами, и это звание они должны будут беречь до самого конца.

Он повернулся к другу. Заур стоял, скрестив руки на груди, и смотрел вниз. Лицо его светилось мягким, будто шедшим изнутри светом. Он посмотрел на Эмина. Глаза его были влажны от слёз. Взгляды их встретились. И тут непреодолимая сила бросила их в объятия друг друга. Так они и стояли, обнявшись, не произнося ни слова. Потом они взяли за руки и, не торопясь, пошли вниз. День, долгий как вечность, завершился. Преподнесёт ли им судьба ещё один такой?

VI

29 июля 1983 года в местной газете «Шелале» была опубликована статья под заголовком «Смелые пионеры помогли обезвредить бандитов». Ниже приводится её содержание с некоторыми сокращениями: «Как и весь советский народ, труженики нашего района показывают образцы героизма в труде и быту. Высокий моральный дух, трудолюбие, любовь к Родине, бережное отношение к природе присущи подавляющему большинству граждан нашей великой страны.

Но среди нас порой ещё встречаются людишки, которым чужды высокие нравственные качества советского человека. Вместо того, чтобы участвовать в построении коммунистического общества, они ведут праздный образ жизни, а иногда и откровенно преступают закон. Именно с такими отрицательными элементами столкнулись школьники нашего города Эмин Мамедбейли и Заур Атагарлы.

Выйдя на прогулку в горы, они случайно натолкнулись на троих браконьеров, занимавшихся незаконным отстрелом животных. Среди многочисленных трофеев преступников была, к великому сожалению, самка леопарда. На всём Кавказе осталось всего восемь – десять особей этого необычайно красивого и благородного животного. Вот почему оно занесено в Красную Книгу. Эмин и Заур устыдили браконьеров, указав им на незаконный, преступный характер их деятельности. Но вместо того, чтобы прекратить нарушать закон, эти люди захватили ребят в заложники. К счастью, нашим смельчакам удалось усыпить их бдительность и освободиться.

Вернувшись в город, пионеры сообщили о случившемся милиции. В результате оперативно-розыскных мероприятий преступники были своевременно обнаружены и окружены. Они отстреливались до последнего патрона, а затем попытались скрыться, но безуспешно. После рукопашной схватки оба преступника были обезоружены. Ими оказались преступник-рецидивист Мамишев Сардар и его сын Мамишев Гурбан.

В километре от места их задержания сотрудники обнаружили тело их подельника. Обстоятельства его смерти выяснит следствие. Теперь преступников ждёт справедливый суд и суровое наказание. А наши герои награждены почётными грамотами районного комитета партии».

– Возьми, – Муса Атагарлы протянул жене газету, – почитай, что пишут о нашем мальчике.

Сакина-ханум⁵ продолжала гладить бельё. На слова мужа она никак не отреагировала.

– Ты слушаешь меня? – Муса укоризненно посмотрел на жену поверх очков, – может быть, ты чем-то недовольна?

– Чем-то? – Сакина-ханум негодуяще посмотрела на мужа. – Я недовольна всем. А чем, собственно, доволен ты? Тем, что твой сын вляпался в историю, из которой нам ещё предстоит выбраться? Ты видел тех бандитов? Тебе сказали, что кричал один из них? Он угрожал твоему сыну расправой!

– Не ему одному. Это во-первых. А во-вторых, угрозы подонка мало что значат. По меньшей мере, лет тринадцать-пятнадцать ты можешь быть спокойна. Так мне сказал наш судья.

– Угрозы подобных типов не имеют срока давности. Тебя успокаивает мысль, что он приведёт их в исполнение не сейчас, а через пятнадцать лет?

– Конечно же нет. Но к тому времени он станет немощным стариком, одной ногой в могиле. Тогда ему будет не до наших парней, – Муса поймал себя на мысли, что приводимые им аргументы не кажутся убедительными и ему самому.

– Завтра же поговорю с Фахраддином, – решил он.

Между тем Сакина-ханум не собиралась успокаиваться.

---

⁵ ханум – госпожа (азерб.), приставка к имени женщины, означающая почтительное отношение.

– Его жена сегодня утром прочитала мне маленькую лекцию о правильном воспитании детей. Она намекнула, что мы не занимаемся Зауром. Считает, что это он подбил их паиньку сыночка пойти в горы. Ты не знаешь, как она умеет унижить человека. Ведёт себя так, будто они из рода беков, а мы – чернь.

– Не преувеличивай, – сказал Муса, – сословия отменили в восемнадцатом году. Сейчас мы все – один советский народ.

– Не заставляй меня, внучку «врага народа», говорить лишнее. Ты прекрасно знаешь, о чём речь. Сословия никогда не будут отменены.

– Не кипятись. Я спрошу парня, что же произошло на самом деле, – сказал он, стараясь успокоить жену.

Он утаил от неё, что Айдын, их старший сын, рассказал ему, как Эмин вытащил Заура из постели в то злополучное воскресенье.

– Вот и поговори. Хотя я почти уверена, что это идея милицейского сынка. Ведь у них заводила он.

С каждым сказанным словом она всё больше распалялась. Муса, зная характер жены, даже не пытался её остановить. Просто ждал окончания бури.

VII

В комнату вошёл Заур. Он включил телевизор и, сев на диван, молча уставился в экран. Некоторое время все трое молчали.

– Чернь хочет кушать, – сказал Заур.

Муса улыбнулся, но чтение газеты не прервал.

– Значит, ты слышал наш разговор, – сказала мать, – надеюсь, весь.

– Не весь, но самую ценную его часть.

– Тогда ты должен понять, что вы люди разных миров. Вы не сможете дружить.

– Сможем, мама. Уже смогли.

Мать уже не в первый раз нелестно высказывалась об их дружбе. Заура это злило. Он спорил, возражал ей, но каждый раз после их разговора у него неприятно ныло под ложечкой. Не в силах продолжать спор, он вышел из комнаты.

– Вернись сейчас же. Я ещё не закончила разговор, – закричала она.

Муса выждал некоторое время и вышел вслед за сыном. Заура на веранде не оказалось. Муса спустился во двор.

Он нашёл сына сидящим под грушевым деревом, в дальнем углу сада. Муса сел рядом. Некоторое время отец и сын молчали.

– Не обижайся на мать, – сказал Муса, – её тоже можно понять. Она тебя любит.

Заур поднял голову. Взгляд его был пронзительным и грустным.

– Отец, мы просто друзья. Ты мог бы прекратить дружбу с человеком только потому, что у его родителей денег больше и должность выше?

Муса молчал, обдумывая ответ. Стоило ли читать тринадцатилетнему пареньку лекцию о суровой действительности и закоснелости человеческого общества? У его мальчика есть стержень, который не стоит ломать пустым философствованием. Заур ему этого не простит.

– Всё зависит только от того, как вы с Эмином относитесь к этому вопросу. Если хочешь знать моё мнение, то, по-моему, вы всем, а главное – самим себе, доказали, что продолжать её стоит.

Муса потрепал волосы сына и встал.

– Но помни: настоящая мужская дружба – ноша не для каждого.

Заур посмотрел отцу в глаза и молча кивнул головой. Муса встал, чтобы уйти, но, передумав, вновь сел.

– Я хочу спросить тебя об одной вещи, сын, – сказал он.

– Какой?

– Ваш поход в горы... Чья это была затея?

Заур опустил голову. Муса терпеливо ждал. Наконец, Заур посмотрел на отца. Взгляд у него был дерзкий.

– Моя, – сказал он.

Муса улыбнулся и похлопал сына по плечу: – Твоя, так твоя. Вставай. Пошли ужинать.

– Как же быстро он стал мужчиной, – подумал Муса.

VIII

Начальник районной милиции Фахраддин Мамедбейли пришёл в управление в семь утра, на час раньше обычного. Ему предстояло решить пару важных вопросов. Прошло двое суток, как обнаружили Эмин с Зауром, и менее суток с момента задержания браконьеров. Через два, максимум три дня он должен переправить задержанных в столицу, и тогда вопросы останутся нерешёнными. Этого Мамедбейли допустить не мог.

Он был в ярости. Никогда в жизни он не испытывал это чувство так глубоко, как в последние два дня. Его единственному сыну грозила смертельная опасность, и только милость Всевышнего спасла его от верной гибели. Конечно, бездельник сам виноват в том, что позволил втянуть себя в столь отвратительную историю. Конечно, он не умеет выбирать друзей и водится с шалопаями вроде Заура. Но всё это не может быть оправданием действиям негодяя. Да как он посмел! У него холодело внутри от мысли, что он мог потерять сына. Нет, он, Фахраддин Мамедбейли, заставит преступника почувствовать, как неосмотрительно тот поступил. Второй вопрос, особого свойства, требовал встречи с глазу на глаз.

Он молча кивнул отдавшему ему честь дежурному и поднялся к себе в кабинет. С тоской посмотрел на кипу документов, накопившихся за последние два дня, тяжело вздохнул и принялся их просматривать. Через пять минут он отшвырнул их в сторону и нажал кнопку селектора.

– Слушаю, товарищ полковник, – раздался голос дежурного.

– Как прошла смена, Ильгар?

– Более-менее спокойно, товарищ полковник. Если не считать задержанного вчера недоумка. Всю ночь буюнил.

Дежурный, конечно же, имел в виду вожака браконьерской группы Сардара Мамишева.

– И что же он хотел? Водки?

– Нет. Врача.

– Неужели он так плох?

– Право, не знаю. Говорит, что всё тело болит и дышать не может. Но я ему не поверил. Так ругаться и орать может только здоровый человек.

Непосредственно в аресте полковник не участвовал. Когда он с группой подкрепления прибыл на место, Мамишев лежал связанный и осыпал милиционеров проклятиями. Его сынок сидел в наручниках, прислонившись к дереву, и плакал навзрыд. Задержание далось нелегко: чтобы скрутить бандита, потребовались усилия четырёх милиционеров. Всем четверым порядком от него досталось, пока он не рухнул на землю после точного удара в солнечное сплетение.

Увидев Мамедбейли, он догадался, что перед ним тот самый начальник районной милиции, отец одного из выроdkов. Он вытаращил на него налитые кровью глаза. Разбитые в кровь губы расплылись в уродливой улыбке, больше похожей на звериный оскал. Из груди вырвались сдавленные звуки, которые, вероятно, означали смех.

– Опаздываешь, начальник, – прохрипел он, – самый интересный момент пропустил. Видел бы ты, как твои подчинённые избивают беззащитного человека. Позорят высокое звание советского милиционера.

– Сам заткнёшься или нам помочь? – в сердцах выкрикнул один сотрудников, замахиваясь ногой на Мамишева.

– Отставить, – сказал Мамедбейли.

Он присел на корточки и посмотрел в глаза скорчившемуся на земле человеку. И на какой-то миг ощутил страх. На него смотрел сам дьявол. Были в его взгляде и бешенство, и буйное веселье, и холодная решимость хищника, приготовившегося к смертельному броску. Он с

ужасом представил себе, что пришлось пережить тринадцатилетним подросткам при встрече с этим монстром.

Не выдержав взгляда Мамишева, он отвёл глаза. Прежде такого с ним не случилось. Он встал и, не оборачиваясь, пошёл к машине.

– Заберите их, – сказал он, – и не забудьте поместить в разные камеры.

– Пока он ходит по земле, не будет мне покоя, – пронеслась в голове мысль, и, как искушение, ещё одна – пристрелить бы гадину прямо сейчас.

Собственно, это и были два важных вопроса. Первый – насколько мог быть опасен задержанный. Он угрожал ребятам расправой, и Фахраддин, опытный оперативник, повидавший за свою карьеру немало уголовников, знал, что для очень многих из них месть – главный инстинкт.

Из министерства ему предоставили полную информацию на Мамишева. Живёт в Баку, в районе улицы Советской, с женой и сыном. Три судимости: вооружённый грабёж, покушение на убийство, убийство. В преступном мире пользуется дурной славой. Виною тому – дикий нрав и открытое пренебрежение к воровским законам. Во время пребывания в колониях терроризировал заключённых. Удивительно, как он до сих пор остался жив с таким характером. Полученные сведения убеждали в обоснованности подозрений: такие, как Мамишев, вполне могут совершить любую подлость.

И второй, может, самый важный вопрос – взять реванш после вчерашнего поражения. Ему было стыдно за мимолётный страх. Он вновь хотел посмотреть в глаза Мамишева и на этот раз увидеть страх уже в его глазах, страх перед ним, Фахраддином Мамедбейли, блюстителем закона.

Сегодня он расставит все точки над «i». Есть дела, которые не стоит откладывать на потом.

– Допускать в камеру медперсонал не стоит: этот тип агрессивен и непредсказуем. Поэтому до моего разрешения никого не вызывай. Это всё?

– Требовал встречи с сыном.

– И бутерброд с чёрной икрой вдобавок. Сына увидит в Баку, на суде. Следствие только начинается, поэтому пока их не допросили в отдельности, допустить встречи нельзя. Что-нибудь ещё?

– Да. Вас хотел видеть.

– Меня? – переспросил Фахраддин. – Это ещё зачем?

– Не знаю. Говорит, что хочет обсудить один важный вопрос.

– Каков наглец. Перебьётся, – сказал Мамедбейли, выдержал паузу и добавил, – впрочем, поговорю. Может, решил на чистосердечное признание.

Он не подал вида, что просьба задержанного его обрадовала. Удачно вышло, что этот тип первый изъявил желание встретиться с ним. Что ж, получается, им обоим есть, что сказать друг другу.

Он выдержал паузу в десять минут, вытащил из сейфа наградной «Макаров» и зарядил его. Затем он достал из стола портативный диктофон, сунул его в боковой карман кителя и вышел из кабинета.

– Кого вызвать для сопровождения, товарищ начальник? – спросил дежурный.

– Не стоит никого беспокоить, – ответил Мамедбейли, – пойду один. Без посторонних разговор душевнее. В какой он камере?

– Седьмой. Извините, товарищ полковник, но без сопровождения не положено.

– Это ещё что за разговор, сержант?

– Не имею право нарушать устав, – Ильгар, крепко сбитый парень лет двадцати пяти, подался вперёд, – вы же его видели. Циклоп, кулак, как два моих. А главное: он – неуправляемый, маньяк. Так что одного я вас не отпущу.

- Ладно, – сдался Мамедбейли, – вызови Юсуфа.
- Есть, товарищ полковник, – с готовностью отрапортовал сержант.
- А сынок его в какой?
- В первой. В противоположном конце.

Мамедбейли вновь поднялся к себе в кабинет, чтобы вернуть пистолет на место. Теперь он ему уже не нужен.

Внизу его ждал младший сержант Юсуф Годжаев. Он только год, как вернулся из армии, где служил в десантных войсках. За отличную службу ему дали рекомендацию в органы внутренних дел. Полковник таких любил: высокого роста, поджарый. Общий вид немного портили пышные усы. Он их отрастил, чтобы скрыть шрам от операции на заячьей губе.

- Ну что, сержант, пошли? – сказал Мамедбейли, – возьми ключи от камер.

Камеры предварительного заключения располагались в полуподвале управления. Свет в них и в коридор проникал из узких окон почти у самого потолка, поэтому даже днём здесь царил полумрак, и лампочки горели круглые сутки. Шаги на цементном полу гулким эхом разлетались по всему помещению.

Подшли к камере № 7. Юсуф открыл форточку, убедился, что Мамишев лежит на койке, и только после этого отпер дверь.

- Задержанный, встать, – громко сказал он, – лицом к стене, руки за спину.

Тот, кряхтя, повернулся в их сторону.

– У меня сегодня неприёмный день, – начал было Мамишев, но, увидев за спиной сержанта Мамедбейли, встал. Сделал он это с трудом.

– Здравствуй, гражданин начальник, – сказал он, – что ж ты себя так утруждаешь. Сказал бы, и я сам поднялся бы к тебе.

– Шутить вздумал? – на скулах у Юсуфа заиграли желваки, – вот вызову наряд, и мы тебя поднимем. А затем опустим.

- Зови. Одному тебе со мной не справиться, – ухмыльнулся арестованный.

Юсуф поднял было милицейскую дубинку, но Фахраддин отодвинул его в сторону и вышел вперёд.

– Не нарывайся, Мамишев, – сказал он, – хотел со мной поговорить – говори. Зачем терять зря время и зубы. Делай, что велят.

Задержанный немного помедлил, но затем повернулся лицом к стене и заложил руки за спину.

- Отставить, – приказал Мамедбейли, – руки вперёд.

Мамишев повернулся и с безразличным видом протянул руки сержанту. Тот надел на него наручники и отошёл к двери.

– Подожди меня в коридоре, – сказал полковник, – а ты, – он повернулся к Мамишеву, – сядь.

- Ну что ж, рассказывай, зачем хотел меня видеть, – начал разговор Мамедбейли.

Мамишев молчал, сосредоточенно уставившись в пол. Было видно, что он прокручивает в голове заранее обдуманную речь.

- Я хочу попросить тебя об одной вещи, гражданин начальник, – сказал он, наконец.

– Какой? – спросил полковник.

– Пусть не впутывают в это дело моего сына. Я готов ответить за всё, что бы вы на меня не навешали, но сына не трогайте.

– Ты просишь о невозможном. Во-первых, вы – злостные браконьеры. Забыл? Во-вторых, твой сын – соучастник серьёзного преступления. Помогал связывать детей, ударил по голове вашего подельника, Гусейнова Ризвана. Ведь его так звали?

– Легонько стукнул по затылку, и всё. Он даже сознания не потерял. Стрелял в меня. Чуть было не попал.

– Легонько, говоришь? У покойного на затылке огромная гематома. Не исключено, что он умер от кровоизлияния в мозг. Плюс многочисленные кровоподтёки на теле.

– Так это он с обрыва упал. Оступился и упал.

– Не рассказывай сказки, Мамишев. Забыл, что есть показания свидетелей? Ребята всё рассказали.

– Нет, начальник, этого они видеть не могли. Они к тому времени далеко были.

– А для чего ты связал им руки?

– Чтобы глупостей не наделали и дальше в горы не пошли. Утром обязательно отправил бы домой.

– Волновался, значит, заботился? И именно поэтому издевался и бил?

– Что ты, начальник, как можно. Клянусь могилой отца, сына твоего вообще и пальцем не тронул. А вот дружка его, жёлтую кошку, шлёпнул разок. Легонько так. Он ведь меня за руку укусил.

– Легонько? – переспросил Мамедбейли, – я видел, что ты сделал с лицом ребёнка, мерзавец.

– Говорю, слегка, – сказал Мамишев, рассматривая свои огромные ручки, будто видел их впервые в жизни, – если б я его ударил, не жить бы ему и секунды.

– Ты, я вижу, умелый лгун. Тебя послушать, так все ваши действия тянут разве что на мелкое хулиганство. Только напрасно всё это. Не выкрутись тебе, Мамишев. Ни тебе, ни сыну твоему. Ответите по всей строгости закона.

Мамишев поднял на него глаза. То был прежний, гипнотизирующий взгляд, но в этот раз полковник его выдержал.

– Не делай этого, начальник, очень тебя прошу, – сказал Мамишев, – ты же сам отец. Умоляю, сжался над моим единственным ребёнком.

Но не было в его голосе и, особенно, во взгляде мольбы. И тогда полковник принял окончательное решение.

– Я уничтожу тебя, последователь дьявола, – сказал он мысленно, глядя прямо в глаза бандиту.

И Мамишев всё понял. Его губы растянулись в зловещей улыбке.

– Я не последователь, я сам дьявол, – говорила она.

– Ради наших детей, – сказал он вслух.

– наших детей? – переспросил Мамедбейли, от гнева его глаза налились кровью, – что ты хочешь сказать? Угрожаешь?

– Не дай бог. Кто я такой, чтобы угрожать. Только умоляю. Твой сын хороший, воспитанный мальчик. А вот дружок его – суций дьявол. Помяни моё слово – худой конец ждёт их дружбу.

– Лучше подумай о своём конце, – полковник наклонился вперёд и, буравя Мамишева взглядом, процедил сквозь зубы, – ты хоть осознаешь, с кем связался? Ты, зная, что один из детей сын начальника милиции, мучил их, пытался убить. Молись, чтобы ты сгнил в тюрьме от чахотки. Я тебя по стенке размажу, как коровье дерьмо.

Мамишев напряжённо слушал всё более распяляющегося полковника.

– Я смерти не боюсь, – сказал он, – я люблю смерть. Знаю, что буду гореть в аду. Но не хочу, чтобы мой сын попал туда. Помоги ему, и мой дух будет хранителем твоего дитя, ничьё проклятие не коснётся его.

Мамедбейли вскочил со скамейки.

– Ты что болтаешь, мерзавец? – заорал он. – Какой ещё дух? Вот я вышибу его из тебя, а заодно и из сынка твоего, тогда узнаешь цену своему бреду.

– Пожалей моего сына, начальник, – голос Мамишева стал плаксивым, но горящие адским огнём глаза кричали совсем о другом.

Неожиданно он упал на колени и, сцепив пальцы рук, завопил: – Пощади!

Мамедбейли невольно попятился назад, зацепил каблуком выбоину в цементном полу и упал. В камеру влетел Юсуф. Он перепрыгнул через начальника и со всего размаха ударил Мамишева дубинкой по голове. Тот вскочил и пошёл на обидчика, но от ловкого удара ногой в промежность скорчился и, взвывая, повалился на пол.

На шум прибежали Ильгар и ещё один сотрудник. Втроём им удалось скрутить брыкающегося Мамишева и бросить его на койку. Всё это время он орал благим матом и грязно ругался, пока, наконец, несколько увесистых пинков и ударов дубинкой не заставили его замолчать.

Полковник встал, его пошатнуло, и он прислонился к стене. В висках бешено стучала кровь.

– Давление зашкаливает, – с тревогой подумал он, – надо срочно выпить таблетку. Только инсульта мне не хватало.

– Всё, товарищ полковник, – тяжело дыша, доложил Ильгар, – больше он не пикнет.

– Наручники не снимать, – устало сказал Мамедбейли и вышел в коридор.

– А ведь он и в самом деле сумасшедший, – подумал он, – типичный социопат.

В дальнем углу полутёмного коридора, из камеры № 1, он услышал крики и плач. Он догадался, что это бандитский сынок. Он вспомнил, что планировал допросить и его, однако охоты общаться с Мамишевым-младшим после всего случившегося не было никакой. Пусть парня допросит его заместитель. Тот, конечно же, расколется, и выложит всю правду, всё, что нужно для сурового приговора. Старший Мамишев сядет. И когда это произойдёт он, Фахраддин Мамедбейли, закроет тему раз и навсегда.

IX

Он поднялся к себе в кабинет. В приёмной его ожидал Муса Атагарлы. Мамедбейли почувствовал досаду. Конечно же, тот пришёл по известному поводу. Будет расспрашивать, что и как. Понять его можно: как-никак, он отец одного из пострадавших, к тому же Мамишев угрожал и его сыну. Но почему именно сегодня и именно сразу после этой безобразной сцены? Однако, он понимал, что не принять Мусу он не может. К сожалению.

До окончания школы они крепко дружили, но потом их дороги разошлись. Он решил стать юристом, а Муса, у которого голова работала лучше всех в школе – математиком. Оба поступили в университет, но встречались относительно редко. После окончания университета Фахраддин поступил в милицию, а Муса вернулся в родной городок. Сейчас они мало общаются, хотя и соседи. Что поделаться: время вносит свои коррективы, они сами и их семьи на разных орбитах. Жизнь – вещь конкретная, и законы её неумолимы. Ты вынужден обозначить круг, попасть в который могут не все, даже если когда-то они числились твоими друзьями.

Жена говорит, что старший сын Атагарлы, Айдын, заглядывается на их дочку, Лейлу. Ничего страшного, дело поправимое. Во-первых, оба слишком молоды для серьёзных отношений, а во-вторых, даже если в будущем у них хватит глупости сосватать её, всегда найдётся повод отказать.

Сложнее с сыном. Похоже, жена права: Эмин слишком наивен и романтичен. Ему дружба сына с Зауром тоже не нравится. Всё тот же пресловутый круг. И, во-вторых, Атагарлы-младший – известный драчун и шалопай. Наверняка, это он подбил Эмина пойти в горы, а то, что именно он затеял ссору с браконьерами, ясно из показаний.

Они пожалели друг другу руки.

– Здравствуй, сосед, – сказал Фахраддин, – проходи.

Муса закусил нижнюю губу. Неприятно, когда друг детства называет тебя соседом.

Вошла секретарша с подносом, на котором стояли чайник, графин с водой и два стаканчика-армуды⁶. Наверняка, она была в курсе происшедшего. Фахраддин не спеша достал из стола лекарство, положил его в рот и запил водой. Всё это время Муса терпеливо ждал.

– Догадываюсь, по какому поводу ты пришёл, – сказал наконец Фахраддин.

– Задача не сложная, если учесть, что я тебя редко беспокою.

– Что ж, наши бездельники своё дело сделали. Создали проблему. Решать её, разгребать навозную кучу, придётся мне.

– Есть трудности?

– В основном, организационные: дача показаний, очные ставки, следственный эксперимент, выступление в суде и так далее.

– Этого допустить нельзя. Подумай, какая травма для детской психики.

– Ясное дело. Конечно же, не допущу, но нарушений придётся сделать уйму. Говорю же – заварили кашу.

– Скажи, пожалуйста, – Муса задал вопрос, ради которого он, собственно, и пришёл сюда, – насколько опасен этот человек?

Фахраддин на миг задумался. Он хотел было сказать, что думает на самом деле, поделиться «планами на будущее», но вовремя спохватился.

– Опасен? Не больше, чем другие преступники.

– Я слышал, он угрожал нашим парням.

– Много ли стоят угрозы полоумного.

---

⁶ армуды – стаканчики грушевидной формы. В Азербайджане из него принято пить чай.

– Вчера мы с женой обсуждали эту проблему. Она очень боится, что бандит может навредить детям.

– Передай ей, чтобы не волновалась. Человеку, совершившему столько преступлений, светит не менее тринадцати лет, – сказал Мамедбейли, – к тому же типы, подобные ему, в колонии долго не живут: уходят на тот свет или от туберкулёза, или от удара ножом.

Последние слова Мамедбейли произнёс задумчиво, глядя перед собой отсутствующим взглядом.

Муса посмотрел на полковника, хлопнул ладонями по коленям и встал.

– Пойду, пожалуй, – сказал он, – передам твои слова жене.

Фахраддин тоже встал.

– Чаю не выпил...

– Как-нибудь в следующий раз.

– Надеюсь, по другому, более радостному поводу, – кисло улынулся Фахраддин.

Он проводил Мусу до двери. Они пожали друг другу руки. Муса повернулся, чтобы уйти, но Фахраддин взял его за локоть.

– Да, чуть не забыл. Ты... вот что. Поговори с сыном, а я поговорю со своим, – Мамедбейли говорил медленно, подбирая слова, – пусть меньше шляются по горам и лесам. Им, искателям приключений, через четыре года в институт поступать.

– Понял. Обязательно поговорю, – сказал Муса.

Разговор с бывшим другом детства хотя и немного успокоил его, но оставил на душе неприятный осадок. Для себя он решил, что подробности разговора сообщать жене не стоит. Особенно в той части, которая касалась ребят. Несомненно, родителям Эмина их отношения явно не по душе. Однако, пусть последнее слово будет за Мамедбейли-младшим. Ему решать, дружить им или нет. Со своим сыном повторно эту тему он обсуждать не собирается.

Через два дня после их разговора отца и сына Мамишевых этапировали в Баку. Спустя два месяца состоялся суд. Старшему Мамишеву дали тринадцать лет с отбыванием в колонии строгого режима. Мамишев-младший, как несовершеннолетний, получил два года детской колонии.

Событие это и связанные с ним переживания со временем стали терять остроту. Жизнь берёт своё. Сакина-ханум почти успокоилась, ей уже не казалось, что бандит приведёт свои угрозы в исполнение.

Последняя точка в этой истории будет поставлена ещё через три месяца. В один из холодных зимних вечеров в доме Мусы Атагарлы раздастся звонок. Фахраддин Мамедбейли сообщит соседу, что осуждённый Сардар Мамишев скончался от ножевого ранения, полученного во время массовой драки в колонии. Голос его будет спокойным и равнодушным.

Муса окончательно успокоится. Бандит мёртв, а мёртвые не в силах повлиять на судьбы живых. Каким бы исчадием ада они ни были.

Х

5 августа 1984 года.

Четыре часа пополудни. Уже час Эмин и Заур находятся на покорённом ими Улубаше. Дует пронизывающий ветер. Солнце жжёт неимоверно, но от холода не спасает. В ушах звенит. Носы и уши у обоих красные, особенно у Заура. Пора возвращаться, но ребята продолжают сидеть. Их охватывает волшебное чувство умиротворённости и покоя. Время будто бы остановилось. Подобное ощущение возникает лишь на вершине горы (и ещё, говорят, посреди океана).

– Красиво, – говорит Эмин, – до чего же красиво.

Заур в знак согласия кивает головой. Эмин поворачивается к другу, выражение его лица торжественно.

– Давай поклянёмся, – говорит он.

– В чём? – спрашивает Заур.

– В том, что вернёмся сюда ещё раз, когда станем большими.

– Давай.

Эмин напряжённо смотрит вдаль, будто пытаясь разглядеть что-то очень важное для них обоих. В уголках глаз застыли слёзы. То ли от пронизывающего ветра, то ли от избытка чувств.

– Как же красива наша земля. Давай поклянёмся, что будем беречь её, как зеницу ока.

Заур молча кивает головой.

– И давай поклянёмся в вечной дружбе.

– Давай.

Эмин достаёт из кармана перочинный нож. Закусив губу, он острым, как бритва, лезвием делает надрез на тыльной стороне левой кисти.

– Поклянёмся кровью и священной горой Улубаш.

Он протягивает нож Зауру. Тот берёт нож и делает такой же надрез на своей руке. Они прикладывают раны друг к другу.

– С этого дня мы кровные братья, – говорит Эмин. – Ничто и никто не сможет встать между нами.

– Только смерть.

– А может, и смерть будет бессильна. Если проживём жизнь, как мужчины, или погибнем за Родину, то попадём в Рай и там обязательно встретимся. Здорово, правда?

Заур смотрит на друга влажными от слёз глазами.

– Да, здорово, – говорит он и, немного подумав, добавляет, – но нужно попасть на один и тот же уровень.

– Какой ещё уровень. Это же Рай! Гуляй, где хочешь.

– Нет. Бабушка говорила, что Рай имеет семь уровней. Я только первый и последний запомнил, Иллион и Фирдовс. Сказочный семиэтажный дом. Чем больше благих дел совершишь, тем выше этаж.

– Нам любой сойдёт, лишь бы вместе, – говорит Эмин, и, хитро улыбаясь, продолжает, – попросим, чтобы нас на один уровень послали. У тебя нет знакомых среди ангелов?

– Пока нет, – подхватывает шутку Заур, – к тому же, ангелы – создания неподкупные, действуют строго по инструкции. Единственный выход – число благих дел должно быть одинаковым.

Эмин озабоченно чешет затылок: – Трудная задача. Но ничего, будем ходить друг к другу в гости.

– По пропускам.

Они весело смеются. Смех становится всё громче, раскатистее и безудержнее. И вот уже и горы, и небо, и редкие облака присоединяются к смеющимся подросткам. И нет на свете места веселее и счастливее, чем вершина горы Улубаш.

Есть ли чувство столь же глубокое и сильное, так возвышающее и очищающее, как настоящая мужская дружба? Пожалуй, только настоящая любовь.

Глава 2

Второй экзамен

I

15 Июня 1986 года.

Прекрасный воскресный вечер. Выпускники интернациональной школы №1 празднуют окончание учёбы. С этой целью директором школы забронирован один из лучших в районе ресторанов. Он расположен в живописном месте в двух километрах к северу от городка, у подножья Улубаша.

Празднование продлится до самого утра, благо на то есть разрешение директора школы и родителей. Мероприятие проходит под опекой начальника милиции: за порядком следит младший сержант Юсуф Годжаев.

Обширная лужайка заставлена несколькими рядами столов. Веселье в самом разгаре. Звуки музыки разлетаются во все стороны. То тут, то там стихийно возникают группы танцующих выпускников. Отовсюду слышится громкая речь, то и дело прерываемая смехом.

Заур и Эмин удобно расположились поодаль, на скамейке под раскидистым дубом. С рассеянными улыбками они молча наблюдают развернувшуюся перед ними картину.

- Дети, – снисходительно говорит Эмин.
- Нет, – возражает Заур, – грудные младенцы.
- Точно, – соглашается Эмин, – сосунки.

От одной из групп отделяется стройная длинноногая девушка с толстой косой до пояса. Это Айтекин, их одноклассница. Она подходит к скамейке, и, уперев кулачки в бока, с напускной строгостью спрашивает: – Вы что расселись? Так и просидите до утра? Все танцуют, а вы, как пенсионеры, сидите и болтаете. Отрываетесь от коллектива.

– Мы одинокие волки, – говорит Эмин, – рыщем по горам и лесам в поисках достойной добычи.

- Ланям, отбившимся от стада, грозит смертельная опасность, – подхватывает Заур.
- Ну, мальчики, перестаньте дурачиться, – обиженно говорит Айтекин, – ребята из десятого «Б» уже замучили меня своими приглашениями к танцу. Вам должно быть стыдно.
- Да как они посмели, – говорит Эмин, – мы в страшном гневе. Пять минут на успокоение.

Иначе прольётся кровь.

- Две минуты, не более – смеётся Айтекин, – иначе...

Она грозит им пальчиком и отходит. Друзья молча смотрят ей вслед. Прежде, чем влиться в группу танцующих, она поворачивается и одаривает их ослепительной улыбкой.

– Отличная девчонка, – говорит Заур, – счастлив будет тот, кому она подарит свою любовь.

- Да, – говорит Эмин. Чуть помедлив, он добавляет: – Когда-нибудь я женюсь на ней.
- Заур ошарашено смотрит на Эмина, затем опускает голову.
- Как ты думаешь, она пойдёт за меня? – спрашивает друга Эмин.
  - На всё воля Аллаха, – говорит Заур.

Взгляд его по-прежнему устремлён в землю. Когда он поднимает, наконец, голову, глаза его полны печали и нежности.

- Лучшей кандидатуры ей не найти на всём белом свете.
- Правда? – говорит Эмин.
- Да, друг, – отвечает Заур, – истинная правда.

В порыве чувств Эмин обнимает за плечи Заура.

– Пошли танцевать? – говорит он. – Зададим трёпку придуркам из десятого «Б». Будут знать, как зариться на наших девчонок.

Они вливаются в толпу. И принимаются танцевать. Как же они танцуют! Особенно Заур. Его танец ошеломляет, захватывает. Многим, и особенно Эмину и Айтекин, он запомнится на долгие годы. Такое можно объяснить лишь неистовством молодости. И любви.

Веселье разгорается с новой силой, словно огонь на ветру. Лица ребят светятся от счастья, у некоторых на глазах слёзы. Впереди новая, полная прекрасных моментов жизнь. Прощай детство! Мне было хорошо с тобой, но будущее интереснее, увлекательнее. Оно чарующе прекрасно, оно тянет меня к себе как магнит, и я птицей лечу ему навстречу. Здравствуй взрослая жизнь, наполненная испытаниями и триумфом побед.

II

Диляра-ханум возвращалась с базара домой. Дорога шла вверх, и хотя уклон был небольшим, тяжёлые сумки её изрядно утомили. Решив отдохнуть, она положила их на землю, прислонилась к дереву и начала думать. Постоянно думать было её любимым занятием и проклятием одновременно. Львиную долю этой процедуры занимали мысли о своей жизни.

Надо сказать, что ею она была крайне недовольна. На то имелись веские причины. Она рано потеряла родителей, воспитывалась в доме брата матери. После смерти дяди опека над маленькой Дилярой перешла к его сыну Абдулле. Нельзя сказать, что здесь к ней плохо относились. Однако чувство одиночества и стеснённости никогда не покидало её. Поэтому когда Абдулла сосватал Диляру своему другу, она раздумывала недолго.

Мужа, который по её твёрдому убеждению был простаком и неудачником, она не любила. До тех пор, пока он неожиданно не скончался от сердечного приступа в возрасте тридцати пяти лет. Интересно, везде ли мёртвых любят больше, чем живых?

Единственным оправданием своего пребывания на этом свете Диляра-ханум считала дочь. Она обожала своего единственного ребёнка, ненаглядную Айтекин. С тех пор, как умер муж, дочь стала для неё смыслом существования и реваншем за поражения и неудачи в жизни. Она лелеяла две мечты: дать дочери образование и удачно выдать замуж.

Ходили упорные слухи, что в Айтекин влюблён сын начальника милиции Фахрадина Мамедбейли. Такая партия была верхом её мечтаний. Если дочь ещё и в институт сможет поступить, то тогда ей от жизни ничего больше и не надо.

Земфира-ханум, мать Эмина и директор школы, в последнее время стала с ней очень обходительной. Да и разговоры среди соседей пошли. Однако, в жизни всякое бывает: часто всё разговорами и заканчивается.

Ход её мыслей прервал сигнал клаксона. На заднем сиденье остановившейся рядом «Волги» она заметила директрису. Та приветливо помахала ей рукой. Из машины вылез водитель, толстяк Вахид. Он приходился директрисе близким родственником. Машина была записана на него, хотя все в городке знали, что она принадлежит начальнику милиции.

Ничего не говоря, он подхватил сумки и уложил их в багажник. Затем он жестом указал ей на заднюю дверцу машины.

– Как можно женщине таскать такие тяжести, – укоризненно сказала директриса усевшейся рядышком Диляре-ханум, – ведь так недолго и спину повредить.

Голос директрисы был глубоким и бархатным, как у диктора телевидения.

– Ничего не случится, – кротко ответила Диляра-ханум, – мне не привыкать.

Ей стало стыдно от того, что она – одинокая женщина, лишённая мужской поддержки, и поэтому почти всё приходится делать самой.

– А как же Айтекин, почему она не помогает маме? – с лёгким упрёком спросила Земфира-ханум.

– Что вы, как не помогает, – поспешила ответить Диляра-ханум, – просто сейчас она готовится к экзаменам, и я не позволяю ей тратить время на домашнюю работу.

– Вы правы, – директриса понимающе улыбнулась, – сейчас дорог каждый час. Я слышала, она собирается поступать в медицинский.

– Да. Это её мечта с детства.

– Должна вам сказать, вы вырастили прекрасную дочь. Очень умный и воспитанный ребёнок. К тому же все годы учёбы была круглой отличницей. Считаю, она – главный претендент на золотую медаль.

– Неужели? Прекрасная новость! – Диляра-ханум постаралась придать голосу максимальную благодарность и скрыть разочарование.

Такое чувство испытываешь, когда надеешься выиграть в лотерею автомобиль, а в билете указан мотоцикл с коляской. Вдруг директриса намекнёт, что за эту самую медаль нужно кое-кому оказать уважение, разумеется – в денежных единицах. Настроение начало портиться.

Однако, следующая фраза собеседницы показала, что женщина поторопилась с выводами.

– Думаю, что из вашей дочери получится отличная невестка. Я своему сыну пожелала бы именно такую спутницу жизни.

Как Диляра-ханум ни ждала этих слов, они застигли её врасплох. Она молчала, не зная, что сказать.

Увидев замешательство гостьи, Земфира-ханум с улыбкой похлопала её по плечу: – Что же вы так смутились. Это я к слову сказала.

Диляра-ханум лихорадочно соображала, как ответить на столь прозрачный намёк, но не смогла найти что-либо более оригинальное, чем сказать: – Очень приятно, что вы так считаете.

– Останови, – неожиданно приказала директриса Вахиду, – пойди, купи нам холодной газировки.

Вахид с готовностью вылез из машины. Весь вид его показывал, что вернётся он не раньше, чем женщины закончат разговор. Диляра-ханум вспомнила, что сегодня видела его дважды: при выходе из дома и на базаре.

Земфира-ханум снисходительно посмотрела на раскрасневшуюся от смущения собеседницу.

– А что, если мне и впрямь сосватать твою дочку? – сказала она, неожиданно перейдя на «ты».

Диляра-ханум в растерянности пожала плечами. От волнения у неё перехватило дыхание.

– Молчишь, подружка.

– Спасибо большое, – ляпнула Диляра-ханум, – но ведь она ещё ребёнок. К тому же в институт поступать надо.

– Кто же их собирается женить сейчас. Только вот в столице соблазнов много, мало ли что может случиться.

Директриса обняла Диляру-ханум за плечи.

– Дети у нас красивые. Такой товар долго не залёживается.

Диляра-ханум согласно закивала головой и добавила невпопад: – Но...

Директриса нахмурила брови.

Бедная женщина осознала, что своим глупым «но» может вместо сватки заполучить врага.

– ...наши дети, – закончила она фразу, – что скажут они?

– Ты права, моя милая, – сказала Земфира-ханум, – сейчас конец двадцатого века. Мнение детей – условие важное. Но не главное. Ты меня поняла, надеюсь?

Она многозначительно посмотрела на собеседницу. Та кивнула головой.

– Знаешь, почему я твою дочь выбрала? – сказала директриса, словно рассуждая сама с собой: – Красивую и образованную найти легко, но чтобы она была к тому же работающей, воспитанной и покладистой – ох как трудно.

Диляра-ханум всеми силами старалась изобразить на лице согласие с каждым словом, слетавшим с губ Земфиры-ханум. Но её, уже почти поверившую в счастье своё и дочери, продолжали терзать сомнения. Что скажет Айтекин с её независимым характером и порой ослиным упрямством?

– Лучшей кандидатуры для моей дочери я и представить не могу, – сказала она, – но вы же понимаете: должно быть чувство.

– Что скрывать, Эмину Айтекин нравится, – сказала директриса, – но о моих планах он ничего не знает. Поговорю. Разъясню.

Она лгала. С сыном разговор уже состоялся, причём по его инициативе. Но этого матери Айтекин знать было не обязательно.

– Я тоже поговорю с дочкой, – сказала Диляра-ханум и добавила, – и тоже разъясню. Женщины заговорщически улыбнулись друг дружке.

– Ну что, сватья, решено? – сказала мать Эмина.

– Решено, – ответила мать Айтекин.

Женщины обнялись. Сделка состоялась. Завязан первый узел. За ним последует второй, третий, и с каждым последующим связь будет всё прочнее, а узлы всё крепче и запутаннее.

III

Полдень. Удобно устроившись в кресле-качалке на веранде, Айтекин тщетно пыталась заставить себя заняться биологией. С этим предметом у неё неладит. А ведь через месяц – полтора ей поступать в медицинский. Но одно дело изучать человеческий организм, лечить людей, и совсем другое – копаться во внутренностях жучков и паучков, которых она ненавидит и боится столь же сильно, сколь и мышей.

В прелестную головку лезли разные мысли, но общая тема одна: Эмин и Заур, Заур и Эмин. И вопрос один – кто. Посоветоваться не с кем. Матери не скажешь, стыдно, хотя ясно, кто ей может понравиться. Конечно же – Эмин Мамедбейли. Из хорошей, а главное, богатой семьи. Воспитанный, умный, а его внешность – предмет обсуждения всех девчонок школы. Честно говоря, ей льстит, что среди множества достойных кандидатур, она – вне конкуренции.

Но она чувствует, как в самых глубинах её девичьего, никогда прежде не любившего сердца, зреет выбор, неотвратимый, как судьба.

Заур... У него нет той классической, чуть холодной красоты Эмина, но до чего же он мил. Бывает так, что в отдельности черты вроде бы не очень-то и правильные, но, собранные на одном лице, создают неповторимый облик. Таких глаз, пронзительно голубых и печальных, даже когда он смеётся, она не видела ни у кого. И руки. Их силу и нежность она почувствовала в прошлое воскресенье. Тогда они всем классом решили пойти в заброшенную деревню на противоположной стороне реки. Она потеряла равновесие, перепрыгивая с одного валуна на другой, и упала бы в бурный поток, если бы Заур вовремя не подхватил её. У неё тогда живот свело от волнения.

После случая с браконьерами ребята стали знаменитостями. Школьные девчонки были от них без ума, но ей (и не только ей) казалось, что друзья замечали только её. И было за что. Айтекин⁷ оправдывала своё имя: стройная фигурка, точёный носик, огромные карие глаза и тугие косы до пояса делали её первой красавицей в школе. Ей, конечно, их внимание льстило и волновало, особенно то, как на неё глядел Заур. Правда, в последние дни он почему-то изменился. Стал избегать её, лицо бледное, печальное.

– О чём думаешь, дочка?

Занятая своими мыслями Айтекин не заметила, как подошла мать.

– Так. Ни о чём. Голова болит от проклятой биологии. Ты можешь объяснить: для чего будущему врачу знать, как устроен организм мухи?

– Откуда же мне знать. Я женщина необразованная. Только вот мой покойный дядя часто говорил, что Всевышний всё создал по единому правилу.

– Что это за правило такое? Может, он имел в виду закон?

– Не знаю, но точно помню: он употреблял именно слово «правило». И ещё он говорил, что правила выше законов.

– Дед правильно говорил, – философски заключила Айтекин, – законы нарушают все, а правила – единицы. Мама, ты не принесёшь мне чаю?

– Конечно, дочка. С твоим любимым ореховым вареньем? И я выпью, пожалуй. Что-то в горле пересохло.

Минут через десять они распивали ароматный цейлонский чай. Диляра-ханум казалась взволнованной. Она то шумно вздыхала, то покашливала, то пристально глядела на дочь. Айтекин, наконец, не выдержала.

– Мама, что с тобой? Ты себя хорошо чувствуешь?

– Всё в порядке, дочка.

---

⁷ Айтекин – подобная Луне (азерб.).

– Нет. Ты не в себе. Что-то случилось?

– Я хочу поговорить с тобой, – решила наконец Диляра-ханум.

– О чём? – не отрываясь от чтения, спросила Айтекин.

– У меня состоялся разговор с директором школы.

Айтекин вопросительно посмотрела на мать.

– Она прочит тебя в кандидаты на золотую медаль.

Глаза девушки засветились от радости.

– Как здорово! – воскликнула она, – теперь мне нужно будет готовиться лишь по биологии.

Она обняла мать за шею и расцеловала её. Однако, увидев её смущенное лицо, удивлённо спросила. – Мама, ты не рада? Что-то не так?

– Всё хорошо, моя девочка. Даже очень хорошо.

– Что значит «очень хорошо»?

– Ну, видишь ли, – Диляра-ханум старалась подыскать нужные слова, но безуспешно, – она сватала тебя за Эмина.

Диляра-ханум испуганно посмотрела на внезапно побледневшее лицо дочери.

– И что ты ей ответила? – тихо спросила Айтекин.

– Я? Сказала, что ты ещё ребёнок и что вам... тебе в институт поступать надо. Но она меня заверила, что сейчас вы будете только помолвлены, а свадьбу сыграем потом.

– Мама, ты дала согласие, не спросив меня? – лицо Айтекин исказилось от обиды и гнева.

– Согласие, несогласие. Спросив, не спросив, – Диляру-ханум начала разбирать злость, – причём тут всё это! Вы же дружите. Он прекрасный парень. Я советовалась с дядей Абдуллой, и он одобрил наше решение.

– Ты дала согласие, не спросив меня, – на глазах у девушки выступили слёзы. – Как ты могла так поступить со мной?

И тут впервые в жизни Диляру-ханум прорвало. Она обрушилась на дочь с потоком упреков и обвинений. Она кричала на своё любимое дитя, обвиняя его в чёрной неблагодарности, эгоизме, глупости и прочих смертных грехах. Она говорила об их бедности и той жизни, которая откроется ей, породнившись со столь знатным семейством. Айтекин молча слушала мать, и в её широко раскрытых глазах читался ужас.

– Дура! – выкрикнула напоследок Диляра-ханум. – Я знаю, кто у тебя на уме. Этот бездельник и драчун Заур.

– Никакой он не бездельник! – закричала Айтекин, – если хочешь знать, то он лучше всех. А ты, ты всё испортила. Я бы сама всё решила без твоей помощи. Но ты всё испортила.

Айтекин пулей слетела с веранды и бросилась к калитке.

– Вернись сейчас же, – крикнула ей вдогонку мать.

Тщетно. Стукнула дверь, и всё стихло. Диляра-ханум опустилась на стул и дрожащими руками обхватила голову. Она всеми силами старалась понять, правильно ли поступила, и если ошиблась, то насколько страшной была ошибка.

IV

Солнце уже клонилось к закату, когда Заур, только что расставшийся с Эмином, вернулся домой. Настроение сегодня, как и все последние дни после выпускного бала, было не очень хорошим. К тому же предстоял неприятный разговор с родителями: он должен, наконец, решить, куда будет поступать. Собственно, он давно решил, кем станет, но никто, кроме брата и Эмина, об этом не знал. Им Заур признался, что станет биологом-охотоведом.

Когда он поведал свою тайну Эмину, у того лицо вытянулось от удивления.

– Голову ушиб? – спросил он, немного придя в себя, – мы же вроде бы договорились поступать на юридический.

– Нет, друг. Это не моё, – сказал Заур, – для этой профессии я слишком нервный. У меня ни один преступник не дойдёт до суда живым: или пристрелю, или задушу.

Они вдоволь посмеялись над его «чистосердечным признанием», но затем Эмин потребовал серьёзных аргументов.

– Помнишь клятву, что мы дали на вершине? – сказал тогда Заур, – беречь нашу землю. После того случая в горах я понял, что самый опасный хищник на планете – это человек. Ты будешь защищать от него людей, а я – всю остальную живность.

И Эмин понял и принял его решение. А как же, ведь он – его единственный друг. С родителями будет труднее.

Зазвонил телефон.

– Это я, Айтекин, – голос девушки дрожал от волнения.

– Что случилось? – встревожился Заур.

– Нам нужно поговорить. Приходи к дамбе на чайлаге.

– Когда?

– Через полчаса.

– Тебя кто-то обидел? – Заур почувствовал, как в нём закипает кровь.

– Никто меня не обидел. Приходи. Слышишь? И никому не говори.

– Хорошо.

Он постарался незаметно выйти из дома, но не получилось. У калитки он столкнулся с отцом.

– Ты куда? – спросил тот.

– Скоро вернусь, – ответил Заур, стараясь говорить как можно спокойнее. – Ребята зовут.

Муса внимательно посмотрел на него. Он слишком хорошо знал сына, чтобы не заметить его волнение.

– Ладно. Иди, – сказал он, – постарайся не опоздать к ужину.

V

Заур шёл быстро, время от времени переходя на бег. Не прошло и двадцати минут, а он уже был на месте. Он уселся на камень и стал ждать. Территория по обе стороны дамбы была занята под огороды и сады. Жители городка приходили сюда обычно к вечеру, чтобы покопаться в земле, собрать овощей, а то и просто отдохнуть. Однако сегодня было не оченьлюдно. Два-три человек, были ему незнакомы, а вот тётушку Нису, соседку Айтекин, он узнал сразу. И она его, кажется, тоже.

Вскоре появилась Айтекин. Она молча подала ему знак следовать за ней. Они с матерью владели небольшим садом за дамбой. Именно туда она его и повела. Участки были огорожены или живой изгородью, или низкими заборами из речных камней, а сбитые кое-как калитки почти нигде не запирались.

Она проскользнула внутрь сада, он – вслед за ней.

– Что случилось? – спросил он.

Она молча покачала головой. Было видно, что она крайне взволнована.

– Ты так и не признался, куда собираешься поступать, – сказала она.

– Ты из-за этого вызвала меня сюда?

– Отвечай!

– Я не обязывался отчитываться общественности о моих жизненных планах, – сказал он и примирительно добавил: – Извини, если грубо вышло. Просто я ещё окончательно не решил. Думаю, что уеду в Россию.

– Почему в Россию?

– Потому, что у нас такой специальности нет.

– Что за специальность, если не секрет?

– Пока секрет.

– А там, куда ты поедешь поступать, есть медицинский?

– Не знаю. Зачем это тебе?

– Хочу поехать с тобой.

Заур ошеломлённо посмотрел на девушку. Айтекин глядела на него полными слёз глазами, и в этом взгляде он прочёл всё, о чём мечтал и чего боялся.

– Ты с ума сошла, – тихо сказал он.

– Да, сошла, – сказала она.

– Давно? – спросил он.

– Да. Но поняла это только час назад.

Заур молча смотрел девушку, будто видел её впервые в жизни. Он поднял было руку, но затем опустил её.

– Нам не следовало встречаться здесь, – мрачно сказал он, – могут увидеть.

– Пусть видят. Я никого не боюсь. А ты, я вижу, испугался.

– Даже очень, – впервые в жизни Заур спокойно принял это слово. – За тебя.

– Нет. За себя, – с горечью в голосе сказала она. – Не хватает смелости сказать три слова.

Заур покачал головой.

– Ты многого не знаешь, – сказал он, – Я не могу...

– Это не те три слова, что я хочу услышать. Ну же!

Сжав кулачки, Айтекин шагнула навстречу Зауру. Он растеряно отступил.

– А я могу! Я скажу. Я люблю тебя! Слышишь?

Айтекин бросилась к Зауру и обняла его за шею.

– Слышишь? – повторила она и, уткнувшись ему в грудь, заплакала.

Заур невольно положил ей руки на плечи. Как же он мечтал об этом мгновении! Сколько раз представлял себе эту сцену! Но не радостью, а печалью переполнилось его сердце. Как же хотелось ему крепко обнять ту, о которой мечтал столько лет, поцеловать её губы, мокрые от слёз глаза, горящие щёки.

Он осторожно отстранил её от себя.

– Я не могу, – сказал он, – Не сейчас.

– Не сейчас? А когда? – выкрикнула она, – Знай же: сегодня мать Эмина сватала меня.

Заур побледнел. Хотя он знал, что рано или поздно это произойдёт, слова Айтекин потрясли его.

– Что такое ты говоришь? – сказал он.

– Да. Мама согласилась. И дядя Абдулла тоже дал согласие, а это уже приговор. Они все против меня.

Наступило тягостная пауза.

– Не молчи, Заур. Скажи, что любишь меня, – голос Айтекин дрожал.

Она смотрела на него с надеждой и мольбой во взгляде. Но в ответ он только молча покачал головой. И тогда она шагнула вперёд и вновь обняла его за шею.

– Милый. Обними меня, – глаза её лихорадочно блестели, – мне никто не нужен. Я хочу быть только твоей. Хочешь – прямо сейчас.

– Ты с ума сошла. Приди в себя, – Заур силой разомкнул её руки и оттолкнул от себя.

– Ты трус! Трус и слюняй! – голос Айтекин зазвенел от гнева. – Ненавижу тебя!

– Айтекин! Что вы здесь делаете?

Молодые от неожиданности замерли, затем медленно повернулись в сторону калитки. Перед ними стояла Диляра-ханум.

– Сейчас же иди домой, – она схватила дочь за локоть, но, увидев её покрасневшие запястья, повернулась к Зауру.

– Негодяй! – она с размаха дала ему пощёчину. – Как ты посмел прикасаться к моей дочери.

Заур растерянно смотрел на разъярённую женщину. Диляра-ханум обняла Айтекин.

– Он не сделал тебе ничего плохого, дочка?

– Что он может мне сделать? Он же трус!

Диляра-ханум толкнула дочь перед собой: – Ступай домой. Сейчас же, – она обернулась к оцепеневшему Зауру и пригрозила ему пальцем: – Я тебя в тюрьме сгною, мерзавец.

Она вытолкнула плачущую Айтекин из сада и, бросив на Заура полный ненависти взгляд, с шумом захлопнула калитку.

Их шаги постепенно затихли, и наступила тишина. Заур устало прислонился к дереву. Он ни о чём не думал, просто приходил в себя.

За оградой послышался шорох. Заур поднял голову. В наступивших сумерках он различил женский силуэт.

– Кто там прячется? Собака, кошка, крыса? – крикнул он, – Где моя палка? Вот выйду, поймаю и дух вышибу! Будешь знать, как подглядывать.

Послышался шум. Некто, прятаясь за оградой, поспешно удалился. А Заур продолжал стоять под деревом, обхватив лицо руками.

Сумерки сменились кромешной тьмой. Одиноким прохожим, гнавшим отбившуюся от стада корову, удивился, когда услышал за оградой плач. Он остановился, чтобы прислушаться. Тишину разрезал отчаянный крик.

– Почему? – прокричал юношеский голос. – Почему?

О, сколько печали, боли, негодования и сожаления крылось в этом слове. Какая убийственная гамма чувств! Какое сердце может вынести эту боль?

VI

Всю ночь Диляра-ханум не спала. Утром следующего дня план по спасению ситуации был готов. До примитивности простой, но действенный план. Откладывать его было нельзя.

Зазвонил телефон. Земфира-ханум посмотрела на часы. Девятый час.

– Кто бы это мог быть в такую рань? – подумала она, поднимая трубку.

– Алло! – слышался плачущий голос Диляры-ханум.

– Что случилось, милочка? – встревожено спросила Земфира-ханум.

– Здравствуйте, Земфира-ханум. Извините, что звоню так рано. Мы можем сейчас встретиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.